

Глава 3. Визит

По дороге в деревню Пиньян молодой каменщик Лу вызвался подсобить Цуй Яну с ношей.

Цуй Ян поначалу запротестовал. Его короба были устроены хитро: это не просто пара плетёных корзин, а целая система. Внутри находились железные ящики, разделённые на два яруса: в одном лежала солёно-сушеная рыба, в другом — лёд, а снаружи всё это плотно оборачивалось ватой. Такая конструкция позволяла удерживать холод и не давала товару испортиться или заплесневеть в удушливый летний зной.

Вещица была полезная, но тяжёлая. Он и так весь день провёл в каменоломне, и Цуй Яну было неловко переключивать на него такую тяжесть.

— Благодарю за ту солёно-сушеную рыбу, что ты мне продал, — отозвался Лу Фэн, не принимая отказов. — Матушка отведала и сказала, что лучшего отродясь не ела. Да ещё и цена — всего семь монет. Позволь хоть немного тебе помочь, это меньшее, что я могу сделать.

Он расплылся в улыбке и больше не спорил.

— Раз матушке по вкусу, то и славно, — только и сказал он.

Деревня Пиньян находилась неподалёку от каменоломен, стоило лишь обогнуть гору. Изначально она звалась иначе, но всё изменилось из-за местного храма Пиньян. Место это было по-своему уникальное: поговаривали, что в главном зале и в кельях на втором этаже никогда, даже за целый год, не оседало ни пылинки. Учёные мужи и заезжие поэты, посещавшие эти края, диву давались и воспевали сие чудо в своих свитках. Со временем слава обители затмила саму деревню, и ту попросту переименовали.

Он никогда раньше не бывал в храме Пиньян, но легенды будоражили его любопытство. Дорога была долгой, а общих тем для разговора не находилось, поэтому он решил спросить:

— Слышал я, будто в Пиньяне есть храм, где пыль не задерживается. Правда ли это?

— Правда, — ответил Лу Фэн, вышагивая впереди. — Я часто сопровождаю матушку, когда она ходит туда возжигать благовония. Бывал и в кельях — там и впрямь всегда чисто.

— Неужто это не монахи так усердно трудятся? Может, встают пораньше да прибираются? — засомневался Цуй Ян.

— Нет, — покачал головой Лу Фэн. — Мы с матерью как-то оставались там на ночь, и я не видел, чтобы кто-то из монахов брался за метлы.

Ночёвка в храме — дело затратное и торжественное. Обычно в обителях оставались, чтобы совершить утреннее подношение на рассвете. В Юэчжоу так поступали лишь тогда, когда давали великий обет или просили о чём-то жизненно важном. Глядя на бедность Лу, он невольно подумал, что в его семье, должно быть, случилась большая беда, раз им пришлось решиться на такие траты. Но вслух он этого, конечно, не сказал.

— Тогда я сегодня глаз не сомкну, — шутливо пообещал он. — Уж очень хочется проверить, не лукавят ли святые отцы.

Лу Фэн негромко рассмеялся и обернулся. В его взгляде плясали весёлые искорки, и на миг Цуй Ян замер, залюбовавшись. Опомнившись, он смутился и поспешил оправдаться:

— Что? Я что-то не то сказал?

— Да нет, спи спокойно, — улыбнулся Лу Фэн. — Я размышлял над этим чудом. Думаю, дело в том, что кельи стоят как раз на пути горного сквозняка. Ветер там гуляет постоянно, вот пыль и не задерживается.

— А ведь верно! — ахнул Цуй Ян. — Сяогэ Лу, какой же ты проникательный. Столько людей голову ломали, а ты вмиг всё понял.

Голос Цуй Яна звучал чисто и искренне, его похвала не была лестью, и от этого Лу Фэну стало тепло на душе. Он отбросил прежнюю натянутость и произнёс:

— Меня зовут Лу Фэн. Фэн — как горная вершина. Можешь звать меня просто по имени.

Лу Фэн?

Он мысленно повторил это имя несколько раз. Он помнил, что, когда они покидали Юэчжоу, у маленького каменщика ещё не было официального имени, только домашнее прозвище. В простых семьях детям часто давали «низкие» имена, чтобы те лучше росли. Каменщик Лу родился в год Быка, поэтому звали его Даню — «Большим быком». А сам он родился в год Кролика и, будучи на два года младше, звался Сяо Ту — «Зайчонком».

Лу Фэн... Красивое имя. И «Вершина» ему очень подходило.

— А я Цуй Ян. Ян — как океан. Тоже зови меня по имени, — с надеждой в голосе ответил он.

При прошлой встрече они говорили впопыхах, и Лу Фэн никак не отреагировал на его фамилию. Но Цуй Ян отчётливо помнил, как в детстве тот спрашивал: почему его отец — Цуй, мать — Чэнь, а он сам и сестра носят фамилию матери? Ведь должно же быть наоборот? Тогда он не знал, что ответить. Он был мал и не понимал, что такое «вхождение в семью жены». Позже он спросил мать, но та лишь строго наказала больше никогда об этом не упоминать.

В то время Данян Лу часто заходила к ним, и однажды, услышав этот разговор, дома крепко задала сыну трёпку. Она редко наказывала сына, и такое событие должно было врезаться в память. Однако Лу Фэн, услышав имя «Цуй Ян», и бровью не повёл.

— Хорошо, Цуй Ян, — просто отозвался он.

Цуй Ян помрачнел, точь-в-точь как потемневшее небо над головой. Внезапный порыв ветра принёс с собой стену ливня. Краткая прохлада сменилась пронизывающей сыростью.

— Скорее! Тут уже близко, — крикнул Лу Фэн, на ходу срывая огромный лист колоказии и протягивая его спутнику. — Накройся, не то промокнешь.

Цуй Ян принял лист. Он вспомнил, как в детстве они тоже часто попадали под внезапные дожди, и Лу Фэн всегда мастерил ему такое укрытие — из лотоса или сочной зелени с огорода.

«Ты совсем не помнишь меня... И всё же ты остался собой», — подумал он, прибавляя шаг.

Пиньян примостилась на горном плато. Храм высился прямо у въезда, и его очертания легко угадывались за полями. Лу Фэн довёл товарища до самых ворот и сам постучал. Объяснив ситуацию монаху, он передал гостя на попечение братии. Монахи, привыкшие к странникам, гостеприимно пригласили его войти.

— Где твой дом? Далеко ли? — спросил Цуй Ян на прощание, пытаясь вернуть лист. — Возьми, тебе нужнее.

Лу Фэн отмахнулся и указал на приземистую лачугу на окраине:

— Я живу там. Рукой подать.

Он проследил за его жестом. Хижина выглядела плачевно: ветхая, низкая, она стояла в стороне от остальных домов, окружённая беспорядком. Ни забора, ни палисада — больше похоже на сарай для дров или садового инвентаря, чем на жильё. Он знал, что тот беден, но не представлял, что настолько.

Цуй Яну стало щемяще больно, и он даже не заметил, как Лу Фэн скрылся за пеленой дождя.

Вечером в храме подали постную трапезу. Урожай раннего риса уже собрали, и до посадки позднего, которую начнут сразу после дождей, еды было вдоволь — на столе красовались свежие овощи и фрукты. Он наполнил чашу, но есть в обители не стал. Схватив свой небольшой глиняный горшочек, он под дождём поспешил к дому Лу Фэна.

Дверь лачуги была распахнута настежь. Порыв ветра приносил долгожданную прохладу, но в

таком тесном жилище это означало неминуемую сырость. Хозяевам, впрочем, было не до того — лишь бы хоть немного разогнать спёртый воздух. Ливень пока не перешёл в настоящую бурю, так что вода лишь слегка залетала на порог.

Ещё не дойдя до дома, Цуй Ян почувствовал аромат еды — пахло тушёной тыквой с картофелем. При династии Лян морская торговля процветала, и заморские культуры вроде картофеля и батата давно прижились в народе благодаря своей неприхотливости. В Юэчжоу, где хватало заливных полей для риса, их редко использовали как основу рациона. Обычно к ним прибегали лишь в голодный период пятого-шестого месяца, когда старые запасы риса иссякли, а новый ещё не созрел. Но сейчас-то жатва уже закончилась... Значит, в доме не было даже риса.

Цуй Яну стало совсем горько. Он кашлянул, привлекая внимание, и постучал по дверному косяку:

— Брат Лу, ты дома?

— Это ты? Что стряслось? — удивился Лу Фэн, выходя навстречу.

Цуй Ян показал на горшочек и, нарочно изобразив неловкость, пробормотал:

— Видишь ли, я брал еду в дорогу, не думая, что придётся ночевать в храме. А у меня тут скоромное... Негоже перед наставниками мясо в котелке держать. Вспомнил, что ты рядом живёшь, вот и решил заглянуть, не обессудь.

Для бродячих торговцев иметь свои припасы — дело обычное, как и наличие в них мяса. Лу Фэн не заподозрил неладного и крикнул матушке.

Услышав, что пришёл тот самый разносчик, Данян Лу, помнившая его недорогую и вкусную солёно-сушеную рыбу, тут же отозвалась:

— Заходи, если не брезгуешь нашей теснотой.

Цуй Ян перешагнул порог и замер. Внутри было ещё хуже, чем он воображал. Крохотная комнатка просматривалась насквозь. Под южной стеной — единственное окно и дверь. Рядом с окном стояла кровать; одна её ножка была сломана и заменена грудой камней. Больше места в этой части дома почти не оставалось — лишь пара сундуков с облупившимся лаком и следами взлома на медных углах.

Под самой крышей была прибита пара досок, на которых лежала солома. К ним вела шаткая лестница. Он прикинул рост Лу Фэна и понял, что тот спит именно там — в тесноте и духоте под самым потолком.

С другой стороны комнаты не было даже подобия очага. Прямо в земляном полу была вырыта яма, а с балки на толстой верёвке свисал котелок. Из-за отсутствия дымохода стены покрылись густой чёрной копотью, добравшейся даже до бамбукового шкафчика для зерна. Стол, за который его пригласили, Лу Фэн долго и усердно тёр тряпкой, прежде чем сказать:

— Присаживайся, теперь чисто.

Цуй Ян закусил губу. Он с трудом сглотнул, в глазах заблестели слёзы. Заметив его молчание, Лу Фэн виновато улыбнулся:

— У нас тут бедно, прости...

— Что ты, — спохватился Цуй Ян. — В моей семье тоже лишних денег нет. Будь у нас средства, давно бы лавку в городе открыли, а не мотались бы по деревням с коромыслом.

Он сел на табурет и выставил принесённую снедь на стол. Повернувшись к кровати, он вежливо поздоровался:

— Доброго здоровья, матушка. Меня зовут Цуй Ян. Я торговец, попал в бурю и не смог вернуться в город. Брат Лу помог мне устроиться в храме.

Данян Лу, сидевшая на краю постели, ответила не сразу. В комнате было темно — единственный свет исходил от тлеющих углей в яме. Его хватало, чтобы видеть очертания вещей, но лицо женщины оставалось в тени. Он замер в ожидании: неужели фамилия «Цуй» ничего ей не скажет? Лу Фэн мог забыть всё из-за возраста, но его мать дружила с госпожой Чэнь.

Но надежда вновь обернулась разочарованием.

— Редкая фамилия для наших мест, — безучастно проронила она. И тут же добавила: — Афэн, темно в доме. Зажги светильник.

Масло стоило дорого, а летние дни были длинными, так что обычно они обходились без огня. Но сегодня из-за грозы сумерки сгустились раньше срока, да и гость был в доме. Лу Фэн щипцами достал из углей щепку и поднёс к фитилю.

Тусклый огонёк озарил комнату. Свет упал на седые волосы Данян Лу, на её иссохшее тело, лицо в глубоких морщинах и мутные глаза.

Цуй Ян вздрогнул. Если память ему не изменяла, Данян Лу была на пять лет младше его матери. Ей не должно было быть и сорока, но сейчас перед ним сидела дряхлая, измождённая старуха.

<http://bllate.org/book/17486/1708519>